

Пятница

Из дому я выбежала раньше обычного. На улице сумрачно — еще не утро, уже не ночь. Парк во власти призрачных теней; скованные холодом деревья похожи на равнодушных истуканов — застывшие, голые, без намека на весеннюю дымку; вдоль рельсов тянутся кусты, их колючие заросли заплетены в причудливые узлы... Настоящий рай для хулиганов и грабителей. Но об этом лучше не думать.

Привычный маршрут: вверх на мост; вниз; бегом вокруг футбольных полей, вздыбившихся комьями земли, словно беспокойное море. Дорожка ведет к углу поля, здесь жутко темно и неудобно: с одной стороны — рельсы, с другой — игровая площадка, и ты зажата между ними, как в ловушке. Столб с висящей на нем синей курткой, мокрой и помятой, вдруг приобретает странные очертания, по коже от страха ползут мурашки, и я прибавляю скорости — туда, где тропа выводит на открытую лужайку и уходит в сторону магистральной. По тротуару скользит свет фар, кто-то спешит оказаться на работе даже раньше, чем я (неужели такое бывает?). Ох! Передо мной неожиданно и почти бесшумно материализуется призрачная фигура — еще один бегун; мелькнувшие наушники, отблеск лайкры, пронесшееся мимо шумное дыхание, волна тепла и легкий запах пота. В Лондоне не-

реально побыть в одиночестве: ни глухой ночью, ни зябким предрассветным мартовским утром. Почти наверняка кто-нибудь за тобой следит, высматривает, вынюхивает... Жуть.

От бега становится лучше. Скорость, ритм, размеренное движение рук, ног — все это приводит мысли в порядок. Спала я плохо. И даже в короткие промежутки беспомысленности мне все равно снилось, что не смыкаю глаз. Пришлось в конце концов и правда встать. Я сосредоточиваюсь на дыхании. Вдох-выдох... Вдох-выдох... Бежать и думать... А как только вернусь домой — сразу же в душ. В семь часов заедет Стив, чтобы отвезти меня в студию. Поцелую на прощание Милли, а завтраком ее покормит Марта. (Ну что ж она такая нелюдимая, эта Марта?) Застану ли я дома Филиппа? Вряд ли. Сейчас — сколько там? пять пятнадцать? — он уже бреется, принимает душ, смывает с себя следы «Нобу» и «Дорчестера» (ввалился домой в три часа ночи, и я уловила отчетливый запах сигар); потом втискивается в лайкровый костюм и верхом на новеньком карбоновом велосипеде катит в свой биржевой рай: Мэйфейр, Токио, «Блумберг». Раньше мы бегали вместе. (Даже подбирали по цвету одежду, кроссовки «Асикс», из серии «для него и для нее». Скажете — глупость? А мне ужасно нравилось.) Но прошлым летом все закончилось. У нас не город, говорит Филипп, а сплошной стресс. Тут нужна повышенная выносливость, хорошие мышечные нагрузки. И никакой бег с этим не справится.

Дыхание совсем сбилось. В груди горит. Ничего у меня не выходит. Я безнадежна, даже бегать по-человечески и то не могу. Сворачиваю на центральную дорожку. Вперед, мимо бередящей душу скамейки,

где каждое Рождество кто-то вешает венок с надписью «МАМА». Может, сначала лучше

подумать о мелочах? Родители Филиппа: связаться с ними насчет воскресного обеда. «Невзаправдашний» день рождения Милли: попросить Филиппа на этот раз явиться обязательно (как он мог не приехать во вторник?!). Выходные в Брайтоне... Стоит об этом вспомнить, и в животе начинает твориться бог знает что. Филипп сказал, что слишком занят. «Ну и ладно, не вопрос! Ерунда какая!» — легкомысленно откликнулась я, а ведь это неправда. Я и выражений-то таких не употребляю. Будто изображала кого-то... более молодого и раскрепощенного. Вылитая Инди из нашей студии, протееже Стэна Кеннеди: улыбка — произведение стоматологического искусства, хорошенькая внешность и наличие мозгов. (Причем последние дают ей все шансы рано или поздно меня подсадить.) «Не вопрос»? Кажется, услышав это, Филипп взглянул на меня как-то странно. Видимо, фраза прозвучала натянуто? Будто я только притворялась невозмутимой? *Ладно, ерунда, не вопрос...* В том-то и дело, что эти мелочи — вовсе не ерунда. Что можно считать пустяком? А что — важным? Воскресный обед с родителями Филиппа; роскошное нижнее белье в номере брайтонского отеля; жемчужные зубы молоденькой конкурентки; восьмилетняя девчушка, задувающая именинные свечи... Именно из этого и соткана жизнь. И все в конце концов сводится к любви...

Подъем на мост, спуск. Парк оживает. По ту сторону лужайки — еще два бегуна. У пруда что-то вынюхивает большая собака. Шлепая крыльями и гогоча, тяжело взлетают трое гусей. Небо чуть светлеет — где-то там, за хмурыми свинцовыми облаками, просыпается солнце, его неокрепшие лучи смягчают все вокруг, размывая цвета и границы. На серую ограду у детской площадки насажен маленький красный ботинок. С серебристой ветки свисает мокрая пят-

нистая шапочка — божья коровка. Оставленные вещи, забытые частички своих хозяев... Однажды во время бега я наткнулась в зарослях на мужские подштанники. Откуда?! Это вам не облюбованный геями парк Клэпхэм-Коммон, это Вандсуорд! У нас тут территория многодетных семейств с лабрадорами и пенсионеров с теннисными ракетками. Здесь никто в кустах не сношается!

Кафе. Секундное колебание — и я сворачиваю. Бегом вдоль лужайки для игры в шары. Вот и домик рядом с кортами. Меня вдруг неодолимо тянет нырнуть в глубь не тронутых парковыми садовниками зарослей. Обычно я здесь не бегаю. Треугольный участок тесно стоящих высоких деревьев примыкает к футбольному полю, но что там в глубине, под кронами, с главной аллеи не видно. А вдруг опасно?.. И что меня сюда понесло? Зарождающийся свет дня? Нежелание с этим днем встречаться? Прилизанная ухоженность лужайки? Размеренность бега? Бездна попытка во всем разобраться? Не знаю... А может, внезапная жажда ощутить под ногами молодую траву, вырваться за жалкие, укрощенные людьми границы парка, хоть ненадолго остаться одной.

Кто знает...

Мне не страшно — спасибо скорости, — но бежать здесь труднее, чем я ожидала. Неровная земля — плохой союзник, то и дело норовит подсунуть кочку или яму. Ветви деревьев лезут в глаза; спутанная клубками трава цепляется за щиколотки. И вдруг, сквозь хитросплетения растений, — *это...*

Первая мысль — про надувную резиновую куклу. Или рыбину. Как-то, отдыхая на острове Уайт, мы набрели на выброшенного на песок мертвого дельфина,

пугающе бледного и одновременно мясистого — противоестественное сочетание.

А много лет назад, еще студенткой гуляя вдоль Оксфордского канала, я споткнулась о распластавшегося на набережной мертвого лебедя. Самым жутким было не то, что он мертвый, — хотя выглядела эта загубленная белоснежная красота совершенно дико, — а то, что никто его до сих пор не убрал.

Все, пробежка окончена. Раздвигая белесые ветки молоденьких березок, я расчищаю себе в зарослях путь к месту, где кто-то — собака? лисица? человек? — вытоптал траву; туда, где лежит нечто непонятное.

Вот... я вижу... ужас... ужас! Нет, не кукла. Не рыба. И не лебедь.

Она лежит на боку: обнаженные белые руки вытянуты над головой, спина изогнута. Волосы откинута назад, будто ее за них тащили. Открытые глаза подернуты пеленой, словно прикрыты пищевой пленкой. Огромные густые ресницы, вряд ли настоящие, худое лицо, некрупные зубы, прикусившие вывалившийся наружу раздутый язык. Плотные облегающие штаны цвета хаки — из «Топшопа», наверное, — с карманами на бедрах и маленькими молниями на щиколотках. Босая. На пальцах ног — темный, почти черный лак. На руках же ногти, наоборот, обломанные и в заусеницах. Розовая футболка с коротенькими рукавами задралась на спине, виднеется черный треугольник трусиков. Кожа — на лице, шее, груди — иссиня-белая, и повсюду отметины: кровь, порезы, царапины, крошечные точки, горизонтальные темные линии, синяки. А шея... Нет, невыносимо...

Я не закричала. Даже не пикнула. Удивительно, да? В уши бьет громкий звук собственного дыхания — то ли всхлипывания, то ли рвотные позывы. Не хватает воздуха. В голове неразбериха. «Топшоп»?! Ну какая разница, где она купила штаны и настоящие ли у нее ресницы? Сколько деталей... Они об-

рушиваются на меня, как цунами. Сперва я ничего не понимаю, в голове не слова — одни картинки... Но вот мозг включается активнее... картинки обретают названия... превращаются в знакомые понятия... в мысли. Одна из них: надо сообщить кому-нибудь. Кажется, я уже в состоянии думать о том, что будет дальше.

Прикрываю ладонью рот... Господи, кажется, меня вот-вот стошнит. К горлу подкатывает горечь, но я сглатываю и, шатаясь, пробираюсь сквозь заросли назад к дорожке. Нашариваю висящий на шее чехол с телефоном; расстегнуть его получается далеко не с первой попытки. Лихорадочно жму кнопки. Какие огромные у меня пальцы... Они так трясутся, что, когда мне удастся дозвониться, телефон чуть не выскакивает из рук.

Голос в трубке тихий и спокойный; такой спокойный, что я повторяю как заведенная:

— Вы меня слышите? Вы меня слышите?!

Женщина отвечает, что да, слышит, и я, запинаясь, сообщаю подробности. Никак не могу вспомнить название улицы, что ближе всего к этой части парка; и ведь она совсем рядом с моим домом, идет параллельно нашей, с такими же большими крепкими особняками... я хорошо ее знаю, но вспомнить не могу и потому выдаю:

— Тринити-роуд, тюрьма, район Тоуст-Рэк... Знаете, в этом секторе есть дорога? Там еще кафе, «Коммон-граунд». Прямо за ним, в таком треугольном лещочке.

Моя собеседница, наверное, уже сориентировалась по спутниковому навигатору, потому что из моих путаных объяснений вряд ли что-то поймешь. Интересуется, цела ли я, не грозит ли мне опасность. И советует оставаться на месте, ждать.

Связь обрывается. Господи, как неудобно...

| 10 | очень... муторно. Не представляю, куда себя

деть. Бегом возвращаюсь к теннисным кортам: отсюда я смогу увидеть приехавших, проводить на место. Пока в поле зрения — никого; лишь за крикетной площадкой — непрерывный поток машин по Тринити-роуд, в отдалении — крыши Вандсуордской тюрьмы да игра света над высокими домами на той улице, название которой я теперь вспомнила — Дорлкот. Скрип со стороны теннисного домика; темнота за окнами стоящей на лужайке хибарки — когда-то, много лет назад, в ней жил уродливый черно-белый кот; он уже давно умер. Мой сегодняшний бег начался по ту сторону железнодорожных путей, дистанция длиной в километр или даже два, а если напрямик через рельсы — всего несколько метров. На крутых насыпях по обе стороны полотно растут кусты и деревья; осенью они сбрасывают мокрые листья и задерживают поезда, тут полно теней и темных местечек, где так легко притаиться. Рядом со мной заросли кустарника, в них детвора сделала себе лагерь, обустроила ходы и коридоры для прятков. Шорох. Может, зверек... лиса, белка или птица, но меня охватывает страх. Кажется, там кто-то есть, кто-то за мной следит.

Я мечусь по тропе туда-сюда: то к дороге, то, передумав, чуть ли не бегом — обратно. Лабораторная крыса под воздействием стресса... Девушки отсюда не видно, и меня вдруг бросает в жар — а если ее там нет?! Что, если кто-то унес ее оттуда... А может, и не было никакой девушки... Я мчусь назад по дорожке, оступаясь, спотыкаясь, выставив вперед руки для защиты от веток и прутьев, вперед сквозь боярышник, дрок, березки — плевать на царапины! — и меня выносит на то жуткое место. Еще не добежав, уже знаю наверняка — никуда она не делась, так и лежит там, неестественно изогнутая, с остекленевшими глазами... мертвая...

Тишина. Пение птиц — и все. Шум поезда. Рассвело, уже полностью рассвело. На кончиках веток — зелень. Должно быть, почки. Я опоздаю на работу, придется сразу ехать в студию и краситься в машине. Боже, о чем я думаю?.. Наклоняюсь, усаживаюсь прямо на сырую землю — и мы остаемся с мертвой наедине. Какой же она выглядит беззащитной! В ноздри сочится резкий застоявшийся запах — то ли больничных коридоров, то ли раздевалки в бассейне. Стараюсь не смотреть ей в глаза. Веки девушки, вплоть до тонких выщипанных бровей, покрыты крошечными мозаичными пятнышками. Касаюсь ее волос... Безжизненные... Хотя волосы ведь такие и есть, да? Что-то в ее футболке — коротенькие рукава, пуговики на груди — не дает мне покоя. Футболка перекосилась, крепко зажатая под мышкой, и мне виден бюстгальтер. Бретелька — ленточка черного кружева — свободно болтается спереди, видимо, отстегнулась. Что я делаю?! Зачем?! Какой-то внутренний толчок — и я уже аккуратно вдеваю крючок черной кружевной ленточки на место, в петельку на чашке бюстгальтера. Пальцы слегка касаются ткани — холодной, влажной. Что это за звук?.. Неужели?.. Да, я сама. Давным-давно, когда нужно было успокоить Милли, я пела ей эту колыбельную. Но слов ее толком не знаю до сих пор.

— Укачаю, уведу в сон, убаюкаю... Долог путь в сонливый город... Он в далеком и чужом краю...

Песня застревает у меня в горле, она больше похожа на жалобный стон.

Кажется, прошла вечность, но на самом деле вой сирен раздается всего через несколько минут.

С того самого мига, как я вышла из дому, я знала — что-то должно случиться. У меня было странное состояние: тянущее, надоедливое ощущение

ние под ложечкой, дурное предчувствие, если угодно. Скажете, неубедительно? Неправдоподобно? Что ж, в таком случае — *теа суфра*.

Их двое. Женщина в форме меня узнает, это заметно по вспыхнувшему на щеках румянцу, округлившимся глазам, по брошенному на коллегу взгляду с безмолвным «Смотри, та самая... ну, из телика». Но темноволосый мужчина, даже если и знает, кто я такая, остается невозмутимым. Он без формы, в джинсах и рубашке поло — явно занимает далеко не последнее место в полицейской иерархии. Тут не ошибешься, сериал про инспектора Морса тому порукой. Приглаживая густые грязноватые волосы, он представляется сам («инспектор уголовной полиции Периваль») и представляет спутницу — «констебль Морроу».

Мы возле теннисного домика. Я примчалась сюда, когда затихла сирена и сквозь деревья замигал синий огонек. Жму им руки — у меня вдруг возникает жгучая потребность прикоснуться к кому-нибудь живому. Никаких слез, разумеется, — это ведь не я умерла. Мы идем к девушке, и констебль Морроу, которой на вид лет двенадцать, не больше, придерживает меня за локоть. Невысокая и веснушчатая, с гладко зачесанными в хвост светло-каштановыми волосами — она почти хорошенькая, несмотря на близко посаженные глаза и неудачную коронку на переднем зубе. Когда я позвонила, сообщает Морроу, ее дежурство как раз подошло к концу.

— Я уже мечтала о бутерброде с беконом. Кетчуп и немного коричневого соуса...

Она явно пытается меня приободрить. Инспектору же Перивалю до моего душевного состояния дела нет. Он шествует впереди — ссутуленные плечи, обвисшие джинсы. С каждым шагом его нога впе-

чатывается в землю решительно и непреклонно, словно лыжная палка, придающая лыжнику равновесие.

Объяснять, где она лежит, не нужно. Это понятно и так. Мы уже почти на месте, и Периваль приказывает мне — точнее, показывает, выставив вперед в качестве преграды руку, — подождать на дорожке.

— Департамент уголовного розыска, — извиняющимся тоном шепчет констебль Морроу. — Впечатление производит. Мы вызвали собак. И компы вот-вот подтянутся. Если едут с мигалкой, то минут через восемь, думаю, примчатся.

— Компы? — Я в недоумении.

— КОМП — команда, осматривающая место происшествия. Оцепят территорию, будут искать улики.

Я спрашиваю, что за улики, и она поясняет:

— Да много чего: отпечатки пальцев, оружие, волокна, кровь, волосы, краска, стекло. Чего они только не находят! Так что место преступления затаптывать не стоит.

— Я там уже потопталась... Надеюсь, не слишком.

Она вглядывается в заросли и досадливо восклицает:

— Интересно, народ когда-нибудь приучится за собой убирать?!

На какой-то безумный миг мне кажется, что она имеет в виду мертвое тело, и от неожиданности у меня вырывается сдавленный смешок, но тут Морроу подбородком указывает на скомканный пакет из «Макдоналдса»: расплющенная одноразовая тарелка, кусочки латука.

— Думаете, это улика? — интересуюсь я, разглядывая остатки чьего-то пиршества.

— Скорее просто мусор. А для сосудов — и вообще смерть! Сплошные жиры и соли... Дети, навер-

— Дети, — эхом откликаюсь я, мысленно добавляя: «Кто тут еще может быть».

Инспектор Периваль возле девушки. Он до нее не дотрагивается — присел и разглядывает. Потом достает телефон. Кричит напарнице какой-то набор цифр, и та звонит по мобильному. От усталости у меня кружится голова, и, когда Морроу заканчивает разговор, я спрашиваю, можно ли уйти. Сначала, говорит констебль Морроу, ей необходимо уточнить у меня кое-какие детали.

Я объясняю, что мне пора на работу, она кивает и, чеканя слова, произносит:

— Это. Я. Понимаю. — Многозначительный намек на пропасть, отделяющую мой образ жизни от ее собственных важных задач.

Она совещается с Перивалем и уводит меня назад к кафе, на лавочку.

— А вы выглядите немножко по-другому, — заявляет Морроу. — Не подумайте, что я пытаюсь подлизаться, просто вы в жизни и правда выглядите моложе, чем по телику.

— Это из-за прически, — улыбаюсь я. — Из-за объема. Мне делают очень пышную укладку... Имидж обязывает. Я должна выглядеть как добропорядочная дневная телеведущая... Сама по себе прическа не так уж и плоха, просто перед съемками на нее выливают столько лака, что я в ней, как в каске.

— Вас парикмахер укладывает? — спрашивает она. И после моего кивка удивленно добавляет: — Что, каждый день?!

— Просто невероятно... говорить об обычных вещах... когда...

— Да, знаю. Первое тело всегда вызывает шок. Кто-то мне говорил, что за первый год службы у полицейского офицера вырабатывается чутье на два запаха: запах наркотиков и запах смерти.